

Однако, иногда Господь не только не благословляет примирение, но даже поддерживает разобщенность ради исправления греха. Это касается не только ереси, но даже обычных внутрицерковных разделений. Такой случай описывается в «Священной истории» Сульпиция Севера (Книга 2-я, глава 46). Тогда, в конце IV века, некоторые галльские и испанские епископы настояли, чтобы гражданская власть казнила сектантов. Но св. Мартин Турский резко выступил против зарождающейся инквизиции и прекратил церковное общение со сторонниками казни. Царь приложил очень большие усилия, чтобы уговорить Мартина примириться с остальными епископами. Можно предполагать, что царь был искренен в своем желании мира. Однажды св. Мартин даже дал согласие на примирение, но затем признал это ошибкой и вновь отделился. Сульпиций Север повествует, что св. Мартину было видение ангела со словами одобрения его действий. Однако, за то, что он допустил хотя и краткое, но ложное примирение, от св. Мартина была отнята прежняя сила исцеления больных. После этого святой отец прожил еще 16 лет и не участвовал в собраниях епископов или синодах. Разумеется, что сам св. отец и остальные епископы были православными. Этот случай говорит о том, что когда грех мешает единству, то нельзя закрывать глаза на грех и лучше отложить объединение на неподготовленной основе ради будущего великого, славного и прочного мира. Вина за продолжающееся разделение в этом случае лежит на немногих виновниках греха, а не на разделенном этим грехом множестве православных.

Мир и внутрицерковное единство всегда объединяет в себе не только живущих на земле, но и Церковь Небесную. И если вводится искажение в вере, то оно отделяет виновников нововведения от всей Церкви Небесной. И не может быть иного истинного примирения без возвращения к подлинному исповеданию, то есть без примирения с Церковью Небесной, а все другие примирительные усилия оказываются ложными и порождают лишь новые смуты. Когда ради мнимого церковного мира многие пытались забыть и отменить Четвертый Вселенский Собор, то этот компромисс лишь породил новые разделения. Сторонники ложного примирения с монофизитами, т.е. сторонники «Энотикона» однозначно осуждались Церковью, однако в те годы были разделения и среди православных. Так, при патриархах Константинопольских святых Евфимии и Македонии многие оказались в разделении со своими архиереями. В «Церковной Истории» Евагрия Схоластика (Книга 3, глава 31) говорится, что патриарх Македоний составил исповедание, где была правильно изложена православная вера, однако умалчивалось о Четвертом Вселенском Соборе. Патриарх таким путем пытался урочевать среди своей паствы склонность к монофизитству. Однако для православных ревнителей это было недопустимо. Тогда монастыри в окрестностях Константинополя отделились от патриарха. Евагрий Схоластик упоминает об этом кратко, а профессор Болотов в труде «Лекции по истории Древней Церкви» уточняет, что в те годы почти в каждом городе были православные ревнители, которые не находились в общении со своими епископами, а считали себя единомышленниками римского епископа за его твердость в отстаивании Четвертого Вселенского Собора. Профессор Болотов приводит свидетельства, что когда посланцы римского епископа приезжали в восточные города, то они останавливались у ревнителей, а самих восточных архиереев избегали. Видимо, никакие слова о канонической территории и зарубежном вмешательстве не

могли сами по себе примирить Церковь. При этом сами патриархи Евфимий и Македоний сразу стали почитаться и почитаются во святых. Это разделение закончилось в 519 году примирением и с Римской Церковью и с ревнителями. Поначалу Римская Церковь потребовала исключить патриархов Евфимия и Македония из диптихов за их компромиссы. Однако Константинопольская Церковь решила, что эти патриархи были православны и внутрицерковное разделение не было ничьим отпадением в ересь как не было и ничьим раскольниковством.

Следующее по времени внутрицерковное разделение произошло во время и после Пятого Вселенского Собора из-за спора о «Трех главах». Большинство противников осуждения «Трех глав» были православны. Собор с пониманием отнесся к ним и не судил самих защитников «Трех глав». Этот спор привел даже к временному разрыву между Римом и Константинополем. После их примирения и одобрения Римом Пятого Вселенского Собора возникла смута в Западной Церкви. Большинству на Западе казалось, что Пятый Вселенский Собор допустил уступку монофизитству. Из-за этого все церкви в Африке, Испании, Галлии и Северной Италии оказались в разделении с Римом и Константинополем. На соборах епископы этих земель сурово обвиняли Римского епископа за осуждение «Трех глав» и называли его неправославным. Конечно же, они были не правы, однако, римские епископы сразу начали примирительные усилия. Многие годы Римские епископы один за другим обращались к противникам с умиротворяющими посланиями. И в Риме и в Константинополе поступали мудро и не осуждали неразумных. Особенные примирительные усилия прилагал римский папа св. Григорий Великий. У проф. Болотова есть упоминание, что св. Григорий Великий не считал защитников «Трех глав» отпавшими от Церкви и поддерживал общение с теми, кто желал этого. В его глазах их действия не могли оправдать суровости в отношении к ним. Ради мира в Истине св. Григорий даже допускал умолчания о Пятом Вселенском Соборе. Окончательное примирение произошло сразу после Шестого Вселенского Собора. Свидетельством о том, что противники осуждения «Трех глав» считались православными является житие св. муч. Ерминингельда. Церковь, где подвизался святой мученик, тогда была против осуждения «Трех глав» и находилась в разделении с Римом.

Сразу после Седьмого Вселенского Собора возникло разногласие в Церкви по поводу признания священного сана за теми, кто был рукоположен за деньги. Св. Феодор Студит в письме «К Арсению, сыну» упоминает, что св. патриарх Тарасий допустил таких до священнослужения после епитимии, но это вызвало большое недовольство среди монашествующих.

В 796 году в Константинополе возникло церковное разделение, вызванное незаконным венчанием императора Константина, когда он заточил в монастырь свою жену и приказал венчать себя на другой. Патриарх Тарасий не признал это венчание, но поначалу не запретил совершителя этого беззакония. В письме «К Симеону, монаху» преп. Феодор говорит, что он сам и многие монашествующие разорвали за это общение с патриархом Тарасием и были сосланы гражданской властью в ссылку. Но патриарх стремился к встрече для умиротворения спора. В письме св. Феодора «К Никифору патриарху» он кратко описывает тяжелую беседу монашествующих со своим предстоятелем. Беседа началась резкими обличительными словами св. Феодора: «Да не будет нам части с тобой ни в сем веке, ни в будущем; потому что ты без различия допускаешь прелюбодея иметь общение с твоей святостью». В ответ на эти сильные

обличительные слова св. Тарасий не разгневался, но, наоборот, начал уговаривать монашествующих и заверять их в своей верности нравственному учению Церкви. В письме «К Симеону, монаху» преп. Феодор сообщает, что патриарх даже одобрил действия монашествующих. Мудростью св. Тарасия мир сразу был восстановлен, а совершитель беззаконного венчания был запрещен в священнослужении. Однако, через девять лет, в 806 году, при следующем патриархе Никифоре под давлением государственной власти беззаконник был снова разрешен и стал священником великой церкви. Преп. Феодор со своими единомышленниками поначалу убеждал нового патриарха исправить ошибку. Когда же это не удалось, то разделение возобновилось. В письме «К Афанасию, сыну» св. Феодор описывает, как за твердость против прелюбодейного брака он и другие игумены с монашествующими и два епископа были низложены и отправлены в ссылку. Сам св. Феодор Студит был при этом анафематствован на архиерейском соборе. Хотя открыто св. Феодора поддержали очень немногие, но велико было сочувствие его страданиям за правду. В 811 году состоялось примирение. Священник, совершивший беззаконный брак был снова запрещен, а св. Феодор написал письмо всем своим единомышленникам, где призывал их признать патриарха. Примирение святого патриарха Никифора со св. Феодором Студитом оказалось чрезвычайно прочным. Когда в 815 году по приказу царя вновь началось иконоборческое гонение, то самыми верными единомышленниками изгнанного патриарха Никифора стали ученики св. Феодора, то есть прежние противники. Преп. Феодор писал патриарху преисполненные братских чувств письма, а когда им удалось встретиться после нескольких лет изгнания, то бывшие противники рыдали от радости встречи. Оба бывших противника закончили свою жизнь в изгнании как исповедники и канонизированы Церковью. Но примирение всех их сторонников было не очень простым делом. В письме св. Феодора Студита «К Антонию игумену монастыря святого Петра, и находящимся с ним» от 811 года он обращается к тем своим ученикам, кто продолжает испытывать на себе гонение, несмотря на происходящее примирение. Св. Феодор убеждает их войти в общение с патриархом и епископами и говорит, что в противном случае «мы не одержим победы, но, может быть, излишне стремясь к справедливости, потеряем и то благо, которого достигли прежними трудами». В этом же письме он уверяет своих ревнителей, что они гонимы за правду, и что через отношение к ним открывается, кто из архиереев – истинные пастыри, а кто – чуждые епископы. Из этого письма св. Феодора видно, что его примирению не помешало гонение со стороны «чуждых епископов», но при этом он относился с пониманием к сдержанности и осторожности тех своих единомышленников, кто не спешил с воссоединением. В письме, убеждающем воссоединиться с патриархом, нет никакого приказа или насилия, но есть много братолюбия и понимания своих братьев.

Вскоре после торжества православия над иконоборчеством возникло новое разделение внутри Церкви. Во главе каждой из сторон стояли канонизированные Церковью патриархи Игнатий и Фотий. В кратком житии св. патр. Игнатия сказано, что он был низложен под давлением царской власти за обличение беззаконий кесаря Варды. Епископы избрали в патриархи Фотия, однако такое вмешательство царской власти вызвало большое возмущение среди монашества. Проф. Лебедев указывает, что патриарха Фотия не признали несколько главных монастырей и 5 митрополитов. Уходящий патриарх Игнатий запретил священнослужение всем, кто признает это беззаконное смещение. Однако, новоизбранный патриарх Фотий не был вольным

сторонником удаления своего предшественника. Его заставили принять патриаршество. В случившемся разделении большинство было на стороне патриарха Фотия, однако противная сторона имела сильнейшую опору в монашестве. Кроме патр. Игнатия одним из главных противников патр. Фотия был Николай, игумен Студийский и ученик св. Феодора Студита, канонизированный Церковью (память 4/17 февраля). В 867 г. патр. Фотий был после государственного переворота низложен и на патриарший престол вернулся патриарх Игнатий. Большинство противников были низложены. При этом низложенный патриарх Фотий смиренно прекратил служение и терпеливо ждал справедливости и примирения. Его терпение в перенесении собственного низложения расположили к нему сердца большинства народа и духовенства, и поэтому перед смертью патр. Игнатия были сделаны большие шаги к примирению. Когда после смерти патр. Игнатия патр. Фотий вновь занял престол, то разделение постепенно завершилось миром. Церковь ни одну из сторон не посчитала раскольниками, но почитает во святых и тех и других. Оба первосвятителя почитаются каждый за свою добродетель, и каждый -- за свое проявление ревности, а их ошибки – это ошибки, в значительной степени, невольные.

В начале X века Константинопольская Церковь перенесла еще одно внутреннее разделение, когда император Лев Мудрый вступил в четвертый брак после смерти трех своих жен, а патриарх Николай Мистик отказался его признать. Тогда патриарх Николай был низложен, и на его место был избран Евфимий, а римский папа утвердил четвертый брак. Возникло большое разделение в Церкви с длительными смутами. Сторонники патриарха Евфимия ссылались на правила Западной Церкви, позволявшие четвертый брак в случае смерти предыдущих жен. В свою очередь сторонники патриарха Николая указывали на прямое запрещение четвертого брака правилами Восточной Церкви. Разделение продолжилось и в то время, когда патриарх Евфимий был низложен, а на его место был снова возвращен патриарх Николай Мистик. Проф. Лебедев в книге «Очерки внутренней истории византийско-восточной Церкви в IX, X и XI веках» стоит в значительной мере на стороне николаитов. В одном месте он даже называет евфимитов отступниками, однако было бы ошибкой считать раскольниками любую из партий. В «Томосе единения», изданном примирительным собором в 920 г., нигде нельзя увидеть, что речь идет о принятии раскольников. Этот томос вошел в полное издание славянской Кормчей. В нем говорится только об умиротворении внутрицерковных споров и им отныне запрещается признавать четвертый брак. Кроме того, в житии св. Василия Нового можно увидеть прямые и убедительные порицания патриарха Николая в начальный период его патриаршества и, наоборот, поддержку тех, кто принадлежал к противной ему партии. До и после собора 920 года патриарх Николай обращался к своим противникам в письмах с большим братолюбием. Он предлагал им ради мира оставить патриаршество и сдерживал своих неразумных сторонников-гонителей. Внутреннее отношение патриарха Николая к миру хорошо выражаются в следующей выдержке из его письма (его приводит в своем труде проф. Лебедев): «Я нахожусь в крайнем недоумении и как в непроходимом море ношу между теми и другими, устремляя свой взор единственно к Божественному Промыслению и управлению, так как всякое человеческое искусство бессильно. Оставить своих и перейти к противникам было бы странно и безрассудно, а нежелание отделившихся повиноваться нашему слову против воли нашей удерживает от соединения с ними». Из этих слов следует, что патриарх ради мира даже допускал мысль о своем переходе к

противникам. Даже после того, как часть евфимитов после собора 920 года отказалась от примирения, патриарх Николай, а затем и его последователи, проявляли к ним кротость и не считали их раскольниками. К ним относились как к братьям, которые пока внутренне не готовы к примирению. И действительно, ведь одно дело – новое разделение, а другое дело, когда сохраняется прежнее положение вещей из-за какой-то чрезмерной осторожности. И лишь в самом конце X века и уже много после внесения патр. Евфимия в диптихи на соборе были осуждены те, кто не соглашался на примирение. Таким образом, Церковь ждала мира почти 100 лет, не осуждая того, кто был не готов к миру.

Середина и конец XIII века стали временем почти непрерывных смут в Константинопольской Церкви. Это было время разделений между ревнителями и «политиками». Особой силы разделение достигло после изгнания государственной властью патриарха Арсения в отместку за его обличения. Часть Церкви не могла признать смещение и поддерживала низложенного. Неоднократно случалось, что когда на патриарший престол восходил патриарх из «политиков», то ревнители разрывали с ним общение, а «политики» обвиняли их в расколе, а когда патриархом становился ревнитель, многие «политики» низлагались и изгонялись. Зилоты и их противники несколько раз чередовались, поэтому совершенно бесплодными становятся попытки решить кто и когда оказывался раскольником. Потребовалось несколько десятилетий, чтобы преодолеть эту смуту.

Еще больше смут происходило в Константинопольской Церкви во времена турецкой власти. В основном они происходили из-за вмешательства иноверной власти в дела Церкви или из-за того, что кто-то пытался втянуть светскую власть в борьбу против своих единоверных братьев. Истории известны разделения 1467 г. между последователями патриархов Марка II и Симеона I из-за подозрений в подкупе власти, разделение 1504 г. между последователями патриарха Пахомия I и Иоакима I, разделение 1522 г. между патриархами Иеремией I и Иоанникием I, разделение между патриархами Митрофаном I и Иеремией II, причем на стороне первого затем оказывались патриархи Пахомий II и Феолит II, также затем низложенные и много других подобных разделений. Такие смуты продолжались многие годы, так что часть духовенства признавала одного низложенного турецкой властью патриарха, а часть духовенства -- другого. Особенно тяжелым было положение в XVII -- XVIII веках. Тогда смуты, нестроения и низложения патриархов шли сплошной чередой. Например, патриарх Кирилл I шесть раз избирался на патриаршество и пять раз был низложен, патриархи Парфений IV и Дионисий IV избирались по пять раз, а несколько патриархов занимали кафедры по четыре и три раза. Внутренние смуты в те годы стали непрерывным страданием Церкви. Однако эти смуты промышлительно удерживали патриархию от впадения в полную зависимость от иноверной власти, поскольку народ ни за что не признавал своим первосвятителем того, кто был назначен сверху вопреки его воле.

Церковная история дает и множество других примеров внутрицерковных разделений. Они случались на протяжении всей жизни Церкви во всех православных народах и государствах, и они не должны повергать в отчаяние верующих. Ведь если после рассмотрения прежних внутрицерковных разделений обратиться к разделениям XX-го века, то можно увидеть, что они во многом сходны по своей природе. Все, что много раз случалось раньше, то же самое происходило и в XX веке. Здесь было и насилие

гражданской власти со стремлением подчинить Церковь своей воле и даже вообще ее уничтожить. Были и смещения неугодных и назначения патриархов вопреки точному следованию правилам Церкви. Случались и подписания неправославных документов как убежденно, так и невольно. И, как следствия этого, были разделения, а они неизбежно должны были случиться, как и происходило в истории. Мы видели и обвинения в расколе с одной стороны и ответную неразумную резкость суждений с другой стороны, когда обвинения обращались не только против достойных этого, но и против невинных. Это означает, что и примирение должно происходить также, как оно и происходило ранее в истории. Самое главное, чтобы это примирение имело твердую основу. Примирение будет твердым, если дано будет правильное изложение на каких принципах оно устанавливается. Одновременно, оно должно быть и разумно-умеренным. Необходимо будет и указать, что исключает это общение, чтобы ни у кого не могло возникнуть сомнение в его принципиальности. В истории часто бывало, что одна сторона посылала общительные грамоты другой стороне со своим изложением и ждала ответа. Тогда другая сторона должна была или принять это, или отвергнуть, возложив на себя ответственность за продолжающееся разделение. И случалось, что прочное примирение этим достигалось лучше, чем длительными переговорами с согласованием формулировок.

Но, в любом случае, примирение обязано быть искренним и всенародным, то есть не навязанным сверху. Оно должно полагаться на твердом камне чистого исповедания. Ведь истинная вера и есть то, что объединяет и примиряет. Если вера исповедуется правильно, то в остальном можно и нужно сколько допустимо уступать ради мира, с пониманием и братской любовью относясь к осторожным и ревностным. Ведь миротворцы строят здание мира во Христе, а ревнители устраивают твердое основание для этого мира. Ради примирения нужно идти на большие личные жертвы, призывая и других быть жертвенными в этом святом деле. Тогда еще раз исполнятся слова послания к Шестому Вселенскому Собору 125 западных епископов: «Милосердный Бог удостоит даровать временам нашего светлейшего счастья совершать это дело, -- воссоздать разрушенное в здании Церкви Божией, соединить в союзе истины разделенное, связать в любви апостольской веры разъединенное, собрать в единстве господства апостольской истины рассеянное...»

иерей Николай Савченко